

Michał Głuszkowski, IFS UMK Toruń, michg@stud.umk.pl

Язык молодого поколения старообрядцев деревень Габове Гронды и Бур¹

Język młodego pokolenia staroobrzędowców wsi Gabowe Grądy i Bór.

Россияне-старообрядцы - жители деревень Габове Гронды и Бур около Августова, представляют собой интересную исследовательскую проблему. Выбор настоящей темы вынужден необходимостью специального описания поколения, которое в большей степени, чем другие, подвергается цивилизационным переменам. Изменения в социальном статусе и общественном положении жителей Габовых Грондов и Бура сильно повлияли на их языковую ситуацию, и не были до сих пор объектом изучения в общедоступных публикациях на тему двуязычия старообрядцев. В настоящей статье будет сделана попытка рассмотреть все аспекты двуязычия молодого поколения староверов из окрестностей Августова, с использованием социального подхода.

Под молодым поколением старообрядцев будем понимать тех жителей Габовых Грондов и Бура, которые в момент записи интервью были не старше 30 лет. Такое выделение поколения вызвано распределением возрастных групп в обеих деревнях. Представители молодого поколения отличаются по многим показателям социального положения. В настоящей статье будет сделана попытка ответить на вопрос: составляют ли они гармоническое единство в лингвистическом смысле, а также определения некоторых норм, свойственных языку молодого поколения жителей Габовых Грондов и Бура и классификация явления интерференции в их речи.

Старообрядцы появились в Польше со своим языком, культурой и религией. Они создавали общины, в которых берегли то, из-за чего были вынуждены оставлять свои дома и переселяться на окраины Российского Царства. С течением времени, в зависимости от степени изоляции данного скопления староверов, они должны были, в меньшей или большей степени, овладеть польским языком и принимать участие в польской культуре. В настоящее время их скопления составляют языковые, культурные и религиозные острова в польской среде.

В момент их прихода в Польшу, старообрядцы-беспоповцы придерживались строгих обычаев, вытекающих из их вероисповедования. Они не пили алкоголя, не курили и соблюдали многочисленные посты, во время которых отказывались не только от мясных продуктов, но и от яичных и молочных. Первые нарушения запрета употребления спиртных напитков отмечено уже в XVIII веке². Изменения в традиционной культуре и образе жизни староверов появлялись постепенно. Большинство изменений относится ко второй половине XX столетия. Сначала старообрядцы стали крестить детей из смешанных браков и фотографироваться; отмечены также случаи менее внимательного отношения к религиозным книгам³. Запрет курения стал более свободным – в Габовых Грондах и Буре только женщины его соблюдают. Мужчины в большинстве курят, но стараются не курить в помещениях, а также в присутствии пожилых женщин, чтобы их не оскорблять. Отношение к алкоголю хорошо выражено в следующих высказываниях: «пить можно, но нельзя напиться»; «пить надо в меру, чтобы не потерять сознания».

Абсолютное большинство жителей Габовых Грондов и Бура – старообрядцы. Есть немногие смешанные семьи, но полностью католических семей в обеих деревнях нет. Единство вероисповедования способствует сохранению культуры и языка. О влиянии религии на языковое самосознание общества писали многие авторы: У. Вайнрайх, Ю. Страчук, Б. Яняк⁴.

Все жители исследуемых нами деревень, также католики, вступившие в браки со старообрядцами, понимают как польский язык, так и русский говор. Но степень владения обоими языками, по разным причинам, не у всех одинакова. В старшем поколении первичным языком является русский; польскому самые пожилые староверы обучались в контактах с польскими соседями и администрацией. В среднем поколении трудно точно определить, который из языков можно назвать первичным, так как некоторые родители обращались к детям также по-польски, чтобы облегчить им учёбу в польской школе. В младшем поколении чаще всего первым усваивается польский язык, но и русский говор передается без посредства другого языка⁵.

У большинства старообрядцев билингвизм сопряжен с диглоссией. В соседских контактах, в разговорах на темы повседневной жизни, религии и

обычаев, они говорят на местном говоре, а в официальных ситуациях, на работе или с польско-язычными знакомыми употребляется польский язык. Есть немногие представители старшего поколения, которые владеют на высоком уровне обоими языками и могут пользоваться ими независимо от темы разговора. Эту ситуацию можно назвать билингвизмом без диглоссии. Во время религиозных обрядов, старообрядцы употребляют церковнославянский язык, не понимая значения многих его слов. Во взаимоотношениях между языком обрядов и языком/языками светской жизни, жители Габовых Грондов и Бура представляют тип диглоссии без билингвизма⁶.

Жители Габовых Грондов и Бура сохранили не только свой язык, но и часть русской культуры, которую принесли с собой. О их русском происхождении свидетельствует одежда, по крайней мере праздничная и наряд, одеваемый в церковь. У многих мужчин есть традиционные рубахи, а женщины носят платки на головах и длинные юбки. До сих пор жители Габовых Грондов и Бура строят бани, которых на своем говоре называют «байнями»; все исполняют обычай субботнего парения. Однако, многие обычаи исчезли - молодёжь вне моленны не отличается от польских сверстников, а традиционные бороды и причёски носят только мужчины свыше сорока лет. Дома старообрядцев также не отличаются от местной польской архитектуры, трудно найти у кого-либо действующую традиционную русскую печь.

Ввиду того, что старообрядцы смотрят польское телевидение, слушают радио и читают газеты, а многие из них работают или учатся в городе, они участвуют также в польской культуре. Таким образом, по классификации Хаугена, жители Габовых Грондов и Бура являются двуязычными носителями двойной культуры⁷.

Материалом для статьи послужили:

- социолингвистический опрос, проведённый Д. Пасько (УМК Торунь),
- информации учителя польского языка из Гимназии в Бялобжегах о языковом поведении учеников старообрядческого вероисповедования.
- интервью у молодых жителей деревень Габове Гронды и Бур, до 30-ого года жизни, записанные во время четырёх научных экспедиций⁸ в 1999, 2001, 2004, 2005

гг. У некоторых представителей молодого поколения удалось записать интервью больше, чем один раз. Итак, среди информантов есть лица, которым в 2005 году исполнилось 32 или 33 года, но их речь была уже записана в 2001 году, когда они ещё соответствовали нашему разделению поколений.

Исследователи старались, чтобы интервью приобрело форму непринуждённого разговора, без строго определённых тем. Главным принципом было создание условий наиболее близких натуральному общению. Некоторые записи были нацелены на изучение названий из какой-то сферы жизни – информант называл указанные исследователем предметы. Все информанты знали, что их речь записывается на кассету и будет использована для научных анализов.

Среди выделенного молодого поколения можно заметить достаточно широкие ножницы возраста: с 8 до 33 лет. Информанты отличаются друг от друга и по другим факторам, например, по месту образования; старшие окончили восьмилетку в Габовых Грондах, а в среднюю школу были вынуждены ездить в город. Но после ликвидации местной основной школы, даже первоклассники учатся в деревне Бялобжеги, вместе с польскими учениками из соседних деревень. Источником социологических различий между индивидами, являются также пол, место работы, образование (уровень) и социальное положение родителей – их занятие и вероисповедование. Настоящая статья покажет, которые из этих факторов влияют также на язык данного информанта.

Заимствования из польского языка

Среди заимствований в языке молодых староверов выделяются два основных типа: неадаптированные (вставки) и адаптированные. Неадаптированными, называть будем те слова, которые переносятся без изменений, как формы, так и значения⁹, например: *choćby i n'e zn'au;* *ješč'o tak'ova przypadku n'e b'уца*. К этой же группе будут отнесены также неассимилированные польские словосочетания и фразеологизмы, выступающие в речи молодых старообрядцев, например: *na stanowisku konserwatora z'euiiu*. Однако случаи, когда говорящий переключается на польский язык и высказывает на нём несколько предложений, не отмечаются как заимствования, а как полное переключение на польский язык.

Среди адаптированных заимствований И. Грек-Пабисова различает полную и частичную ассимиляцию. Полная ассимиляция происходит, когда каждый польский звук и окончание заменяются их диалектными заместителями, а заимствованное слово склоняется по диалектной парадигме. О частичной ассимиляции можно говорить, когда какого-нибудь из вышеупомянутых условий нет¹⁰. Многие частично ассимилированные слова находятся на грани адаптированных и неадаптированных заимствований, например, *rura* или *rower*. Если говорящий употребляет эти слова только в именительном падеже, их можно отнести к вставкам, но в других падежах видно, что в настоящем примере происходит частичная ассимиляция; звуки не заменяются, но заимствованные слова склоняются по русской парадигме: vad'a v 'etu r'uru iz'ot; on i'exaɥ r'overam. Есть много сомнительных случаев, когда нет возможности проверки использования данного слова в разных контекстах, или в случае непоследовательности в применении одним и тем же информантом единой парадигмы склонения.

Вставки из польского языка

Из исследований И. Грек-Пабисовой, проведенных в шестидесятые и семидесятые годы XX века, вытекает, что польские слова в неизменном виде немногочисленны и касаются лишь новейшей лексики¹¹. В настоящее время роль вставок из польского языка значительно увеличилась. Молодые жители Габовых Грондов и Бура очень часто употребляют польские слова, не адаптируя их.

Трудно классифицировать вставки в зависимости от сферы жизни, к которой они относятся. Несмотря на то, что располагаемый нами эмпирический материал относительно богат, а в многочисленных интервью затрагивались различные темы, словари отдельных сфер жизни не изучались с одинаковой интенсивностью. Итак, наличие лексики, связанной с детскими играми, при отсутствии, например, экономической терминологии вытекает из тематики разговоров, которую в большой мере избирали сами информанты. Однако из разновидности существующей лексики, можно выдвинуть гипотезу, что вставки выступают во всех тематических сферах. Хотя лексика, связанная с религией и обычаями,

наиболее устойчива, и в этой области можно заметить неадаптированные заимствования, например: *nabożeństwo, ślub, Droga Krzyżowa, anioł*.

Выделяя среди вставок части речи надо учесть, что часть материала была получена путём записи названий отдельных элементов и оборудования, находящихся в доме и хозяйстве. Отсюда вытекает относительное сверхпредставительство существительных среди всех заимствований.

Во многих случаях вставка является лишь факультативной формой данной лексической единицы и параллельно с ней выступает адаптированный или русскоязычный вариант. Например: польское *blacha* и ассимилированный вариант: bl'аха; польское *dobra!* и русское *хорошо!*; польское *grać w piłkę* – адаптированный вариант igr'at' v p'iuku и русское *играть в мяч*. Факультативными вариантами могут обладать разные части речи: *liczyć* – l'içyt' (в русском спряжении); *ktoś* – *кто-то*; *już* – *уже*; *żeby* – *чтобы*.

Если данное заимствование выступает в речи одного и того же информанта параллельно в адаптированной и неадаптированной форме, этот факт указывает на живой процесс адаптации. Но когда информант М88¹² употребляет форму *blacha*, а М72 – bl'аха, видно, что наличие симптомов ассимиляции обусловлено информантом. В таких случаях главную роль играют неструктурные, психо- и социолингвистические факторы, такие как лояльность к говору и общие языковые способности, которые будут обсуждаться в дальнейшей части настоящей статьи.

Факультативность польской и русской форм также обусловлена неструктурными факторами, но другими, чем вышеупомянутые, к примеру: общее владение русским говором и обучение русскому языку в школе, что будет рассматриваться дальше.

Сомнительные случаи заимствований

Большинство приведённых вставок из польского языка выступает в анализированном материале по меньшей мере несколько раз у разных информантов. Не всегда можно чётко отличить ситуации, в которых говорящий переключается со старообрядческого говора на польский язык, от таких, в которых выступают вставленные сложные единицы, особенно если они появляются только

раз, в одном контексте. Например, рассказывая анекдоты, или приводя содержание любимого фильма, молодые информанты по-русски только повествуют: «brat gavar'it | tam wózeczek | może podwieźć?»; «K'ev'in nal'iu oleju śliskiego na schody».

В вышеупомянутых ситуациях трудно решить, что является вставкой: польские слова в русскоязычном высказывании, или русское сказуемое в польском предложении, если точкой соотнесения будет не интервью, а его фрагмент. Можно здесь также говорить о контекстуальном переключении кода (contextual triggering)¹³; информант бессознательно переходит на польский, когда его высказывание касается темы обычно обслуживаемой польским языком.

Адаптированные заимствования

Можно различить шесть основных типов ассимиляции, которым подвергаются заимствования в речи молодого поколения старообрядцев:

А – фонетическая адаптация гласных – напр. аканье в padval'ina;

Б – фонетическая адаптация согласных –напр. *r'* вместо *rz* в pr'edu'żyty;

В – адаптация ударения – напр. jak'i вместо *j'aki*;

Г – русское окончание – напр. darm'ovaia вместо *darmowa*;

Д – русская парадигма склонения – напр. skż'yn'u xat'eu vz'at' вместо *skrzynię*;

Е – русская парадигма спряжения – напр. zakład'ajet telefony вместо *zakłada*.

Типы ассимиляции **А** (фонетическая адаптация гласных), **Б** (фонетическая адаптация согласных) и **В** (адаптация ударения) относятся ко всем заимствованным частям речи, в то время как **Г** (замена польского окончания русским), **Д** (русское склонение), **Е** (русское спряжение) – могут касаться только изменяемых. Не замечено случаев, в которых фонетически или просодически ассимилированное слово не изменяется по русской парадигме. То же самое касается слов, в которых польское окончание заменено русским – **Г**, и, поэтому можно считать, что какой-либо тип адаптации изменяемых частей речи в пределах **А** - **Г**, всегда связан со склонением или спряжением по русской парадигме. Типы адаптации **Д** и **Е** отмечаются только тогда, когда не замечено других признаков ассимиляции данной лексической единицы. В случае вышеупомянутых гипотетических основных форм

изменяемых частей речи определение типа адаптации относится к замеченному примеру: reperav'at' – czasem | kak traktor zeps'ujetsa | no to reper'ujit – Е (слово спрягается по русской парадигме).

Среди ассимилированных заимствований находится меньше существительных, чем среди вставок. У других изменяемых частей речи можно заметить противоположную тенденцию. Если они заимствуются, то чаще всего подвергаются процессам ассимиляции – польские окончания заменяются русскими и выступает русское склонение и спряжение, например: spżont'ajet, n'ezadaval'onuj, f'ajna [нар.]. Существительные адаптируются всеми возможными путями: **А, Б, В** и **Д**: **А** - kaš'ulka - M'ama no to x'oż'it v kaš'ul'k'e; **Б** - sklep - v sklep; **В** - r'over - zemb'atka at r'overa; **Д** - agr'afka - zašp'il'it' pr'iko'ukaj | agr'afkaj. У других изменяемых частей речи субституция гласных и согласных (**А** и **Б**), выступает реже, а самым частым типом адаптации является **Г** – замена польского окончания русским и **Д/Е** - изменение склонения/спряжения, напр.: k'iš'onaja - b'očka na agurc'y | na kap'ustu k'iš'onuj; spyt'atsa - spyt'ajetsa | šta ty starav'er.

Неизменяемые части речи в основном принадлежат к числу вставок, например: *albo, akurat, no bo, już, tu, bo, na przykład*. Адаптации, или факультативные адаптированные варианты, выступают только у многосложных единиц, таких как: na pr'yklad, p'er'ez, at r'azu, где польские гласные и согласные заменились русскими (типы **А** и **Б**). В односложных словах и простых конструкциях типа: *abo, no i*, ассимиляционные процессы возможны только теоретически.

И. Грек-Пабисова перечисляет говорные эквиваленты, которые заменяют польские фонемы в процессе ассимиляции данного слова¹⁴. Если какую-нибудь фонему можно заменить больше, чем одним способом, возникает, по крайней мере гипотетическая, возможность параллельных вариантов адаптации. Итак, например: *oszczędzać* – aščaz'at' и aščenz'at', *trochę* – tr'oxu, tr'oxa, tr'oxe, так как *ę* имеет много эквивалентов: 'en, en, a, e, u¹⁵.

Язык молодого поколения старообрядцев постоянно эволюционирует – заимствуются новые слова, так в ассимилированной, как и неассимилированной форме. У многих слов существуют факультативные варианты, напр. *ogólniak* и *aguln'ak*. В каждый момент такие варианты могут образоваться и у других вставок из польского языка, напр. рядом с *baniaczek* [рус. котёлок], может возникнуть ассимилированный вариант **ban'ač'ok*.

Кальки

Кальки являются особым видом влияния языка А на язык Б, вмещающим лексическую и грамматическую интерференцию. Они являются настолько сложными языковыми единицами, что можно их классифицировать по разным принципам. В настоящей статье применяется классификация Е. Обары, учитывающая область языка, в которой совершаются изменения¹⁶.

Словообразовательные кальки

Согласно со своим названием, словообразовательные кальки это неологизмы, возникшие как отражение посредством собственных элементов чужих слов или их сочетаний¹⁷.

Новые слова в языке молодых старообрядцев чаще всего образовались с помощью русского корня, получившего новое значение под влиянием польского языка. Например, новообразованное слово *ast'er'eg'atsa* (в значении: воздерживаться от), возникло из-за сходства морфем: *-stereg-* и *-strzeg-*. Иногда русский корень, на основе которого образовалось новое слово, напоминает польскую морфему только по звучанию, напр. *paduuc'yt'* – рус. *подключить*; *-łac-* и *-луч-*.

Важным источником словообразовательных калек у молодых жителей Габовых Грондов и Бура являются изменения префиксов, напр. глагол *padvəysit'* возник в результате использования префикса *под-* вместо *по-*. Следует тоже обратить внимание на новообразованные сложные слова, отражающие структуру польской модели, такие как: *šest'og'odn'aja*, *paz'avtraju* и др. Среди остальных неологизмов можно выделить ещё два более представительных типа:

уменьшительные формы, образованные с помощью другого, чем в русском языке, суффикса, напр. agar'odčyk – поль. *ogródeczek*, рус. *огородик* и глаголы, образующие совершенный под влиянием польского языка, напр. u-gr'azn'it' – поль. *u-brudzić*, рус. *загрязнить*.

Семантические кальки

Семантические кальки в языке младшего поколения старообрядцев, т.е. слова, уже существующие в говоре, которые получили новое значение под влиянием польского языка¹⁸, можно разделить на две группы. Первую группу составляют кальки, образованные вследствие отождествления полей содержания лексических единиц из обоих языков. Хорошим примером такого типа семантических калек является глагол *делать* - «проявлять какую-то деятельность», который принимает значение сходной польской лексической единицы *robić*, выступающей также в значении: *работать*.

Кальки, стимулированные словами идентичными или похожими по звучанию, составляют вторую группу семантических калек. Например, существительное *станция* употребляется в говоре старообрядцев как «место остановки на железных дорогах и некоторых других путях сообщения», а также под влиянием тождественного по звучанию, но отличающегося значением польского слова *stancja*, в новом значении: *частная квартира*.

Фразеологические кальки

Е. Обара определяет фразеологические кальки, как новые фразеологизмы, возникшее путём замены иноязычных элементов их семантическими эквивалентами, существующими в языке-реципиенте¹⁹.

В языке молодых жителей Габовых Грондов и Бура, большинство фразеологических калек образовалось с помощью слов происходящих из польского языка. Рядом с элементами из старообрядческого говора выступают заимствования в адаптированной и неадаптированной формах. Например, польская поговорка *pieniądze - rzecz nabyta* (*деньги – дело наживное*), воспроизводится как: з'en'g'i –

rzecz nab'ytaja, где лишь слово *деньги* происходит из русского языка, *rzecz* заимствуется из польского в неассимилированной форме, а *nab'ytaja* адаптируется.

Такие фразеологические кальки, как: *jest' ab'ed* (поль. *jeść obiad*, рус. *обедать*) *paít'i na gr'iby* (поль. *pójść na grzyby*, рус. *пойти за грибами*), образованные посредством исключительно русских слов, выступают редко. Необходимость использования заимствованных слов во фразеологизмах свидетельствует о недостатках диалектной лексики, которой обладают информанты.

Синтаксические кальки

В языке молодого поколения старообрядцев выступают многочисленные синтаксические кальки, т.е. изменения правил синтаксиса (управления, согласования), копирование синтаксических конструкции из другого языка²⁰. Из-за большой разновидности, в настоящей работе синтаксические кальки разделяются на подтипы.

Первая группа синтаксических калек образовалась вследствие перенесения предлога, выступающего в польской конструкции, напр. *pad v'eč'er* (поль. *pod wieczór*, рус. *к вечеру*).

Во второй группе новообразованных синтаксических конструкций, переносится падеж существительного или местоимения, под влиянием правил управления польского языка, напр. *učytsa p'olskava* [языка] (поль. *uczyć się polskiego* – чего?, рус. *учиться польскому – чему?*).

Группу калек, заслуживающую особого внимания, составляют воспроизведения синтаксических моделей из польского языка. Например, распространенные в польском языке безличные конструкции с винительным падежом, оконченные на *się* (*tu robi się cement, zaprawę*), в русском языке выражаются с помощью глагола в третьем лице множественного числа (*здесь делают цемент*). В речи молодых старообрядцев копируется польская конструкция: *bo ja b'yu v X'eum'e i gl'a3'eju | kak c'ement 3'eu'aietsa | i kak c'eguc 3'eu'aietsa*. Из польского языка калькируются также другие конструкции, напр.

выражающие возвратность действия – рус. *друг друга*. И так, под влиянием польского языка, молодые жители Габовых Грондов и Бура, употребляют в своём языке копию польской конструкции *znieńawidzić siebie* – vazn'ənav'iz'et' s'eb'e.

Морфологические кальки

Последний тип калек – морфологические кальки, ссылаясь на мнение Е. Обары, можно определить как образования новых грамматических конструкций (рода, числа) под влиянием грамматики другого языка²¹. Некоторые из них возникли вследствие изменения числа существительных – слово *похороны* в русском языке выступает в множественном числе, но под влиянием польского *pożrzeb* – е. ч., образовалась форма p'oxaran – е. ч. В других морфологических калках стимулом возникновения являются существительные с изменённой флексией, напр. *человек* в предложном падеже – v č'eцav'eку (поль. *w człowieku*, рус. *в человеке*).

Не у всех представителей молодого поколения старообрядцев можно найти все типы калек. Наиболее распространены семантические и морфологические кальки и некоторые синтаксические конструкции, особенно те, в которых употребляются модальные глаголы *иметь* (m'et') и *быть*, напр. on i'es'c'a k'er'ovcej; im'ejut | kak ja vsp'omn'iu | sva'i tazienki. Словообразовательные и фразеологические кальки выступают почти исключительно у наиболее разговорчивых информантов, которые лучше своих сверстников владеют русским говором. Так как наличие определённых типов калек в отдельных высказываниях обусловлено говорящим, в обсуждении этого факта следует учесть роль неструктурных, социо- и психолингвистических факторов, описанных ниже.

Социолект молодого поколения старообрядцев

Чтобы говорить о социолекте молодых жителей Габовых Грондов и Бура, прежде всего надо найти факторы, объединяющие обсуждаемую нами группу²². Самой главной чертой, отличающей молодых староверов от их польских сверстников, является вероисповедование и сочетающиеся с ним традиции и обычаи. Общее место жительства, участие в тех же самых группах товарищей и

соседских кругах также значимы для своеобразия молодого поколения староверов. У всех есть сознание своего отличия от окружающей среды (определения: y nas и y kat'ol'ikax), даже если не все охотно этот факт подчёркивают. Такие же предпосылки касаются всех жителей Габовых Грондов и Бура, но есть также черты, отличающие младшее поколение от старших. Кроме очевидного показателя – возраста, различия проявляются в менее тщательном отношении к традиции, религии и старообрядческой культуре.

Рядом с социальными факторами, объединяющими молодое поколение старообрядцев, наблюдаются языковые явления, общие всем информантам или, по крайней мере, их значительной части. Некоторые молодые жители Габовых Грондов и Бура отказались дать интервью, из-за недостаточного, по их мнению, владения старообрядческим говором или по другим причинам. Поэтому, характеристика языка, относится только к тем, чьи высказывания удалось записать.

Несмотря на то, что в многочисленных интервью затрагивались разные темы, можно найти общие лексические ресурсы, которыми располагают младшие старообрядцы. Итак, независимо от степени владения русским диалектом данного информанта, названия месяцев заимствуются из польского языка, так в адаптируемой, как и неадаптируемой формах, напр. l'istap'ad, październik, wrzesień. Дни недели, в свою очередь, практически всегда имеют русские названия.

Более сложным является вопрос числительных. Количественные числительные чаще всего совпадают с русскими формами, в то время как порядковые, за исключением *первый*, заимствуются, напр. *trzecia*, čv'artaia. Когда порядковые числительные используются для обозначения времени, выступают в неассимилированной польской форме: z'es'et' po szóstej mn'e pr'in'esl'i na s'alu; na siódma na rab'otu | do trzeciej i vs'o. Влияние польского языка отражается также на существительных, образованных от числительных, к которым принадлежат названия школьных оценок, напр. čv'orka, čv'urka, *trójka*.

Важным заимствованием, наблюдаемым у всех представителей молодого поколения, является глагол *mieć*. *Mieć* в польском языке используется как лексический показатель категории притяжательности, и как вспомогательный

глагол, напр. *mieć dom; mieć ochotę; mieć coś do zrobienia, mieć osiem lat*. В говоре молодых старообрядцев *mieć* выступает в ассимилированной форме, спрягающейся по русской парадигме: m'et', и копирует значение и функции польского первообраза: m'ajet swaj'o znač'en'je; m'ajet dv'en'adcat' god; kn'izečku m'aju czeladnika, итд. В восточнославянских языках и диалектах, как показатель категории притяжательности, преобладает конструкция *у + род. падеж*. Однако, чем далее на запад восточнославянской территории, под влиянием польского языка, встречается также глагольная форма, напр. в белорусском языке допускаются обе формы: *у + род. падеж* рядом с *мець/мети*²³. Таким образом изменился также существующий в русском языке глагол *иметь*, который в языке молодых староверов употребляется в тех же самых конструкциях, как заимствованное слово *méť*, напр. ž'enščyny im'ejut pa p'ez'es'at | šes'z'es'at l'et; mu haz'aistva im'ejem.

В языке молодых старообрядцев не встречается конструкция *кого-то зовут XXX*, употребляемая в русском языке для представления имени кого-то. Вышеупомянутая конструкция была полностью вытеснена оборотом *называться* – ja nazyv'ajus' XXX, или калькой польской модели: *mówić na kogoś XXX* (разг.) – z'er'evn'e gavar'at na m'en'a XXX.

Элементом социолекта младшего поколения жителей Габовых Грондов и Бура являются также безличные конструкции, оконченные на *–ся*, напр. p'osl'e mačak'o dadaj'otsa; [ja gl'az'eu] kak kl'ink'er z'euajetsa. Источником конструкций такого типа является польский язык.

Многие представители молодого поколения старообрядцев употребляют в своей речи слова и конструкции свойственные польским сувальско-сейненским говорам. Итак, под влиянием польских диалектов восточного пограничья, рядом с синтетическим дательным падежом, выступает аналитический, образованный с помощью предлога *для* и существительного в родительном падеже, напр. padav'aju dla vauk'a jes't'; dla st'aršyx l'už'ej eta može i pas'ujet. Базыль Сегень определяет эту форму как инновацию, возникшую вследствие контактов польских и других

славянских диалектов с литовским языком²⁴. Из диалектов соседних польских деревень заимствовались также слова: *musi* (пожалуй, наверное) и *tak o* (таким образом), напр. *musi* pai'ež'et v Am'er'iku; kto z'euiut tak o.

В высказываниях молодых старообрядцев можно также найти формы, выступающие и в других русских диалектах, но не существующие в современном литературном языке. К таковым следует отнести окончание инфинитива на *-тить*, напр. *nait'it'*, *idt'it'*, которое очень часто появляется в речи многих информантов. Диалектной чертой, общей молодому поколению жителей Габовых Грондов и Бура, является также конструкция определяющая возраст с помощью существительного *год* в именительном падеже единственного числа: *dv'adcat' god; p'at'*, *šest' god* (ср. Кузьмина 1975: 204). У всех выступают также некоторые слова, свойственные говору, напр. *xv'oryi*, *xvar'et'*.

Факторов, различающих речь и языковое поведение отдельных индивидов (или их групп), значительно больше, чем вышеупомянутых общих явлений. Обсуждаемая группа, т.е. молодое поколение старообрядцев, большая и разнovidная. Во многих случаях наличие некоторых типов интерференции только у части информантов, обусловлено социологическими и психологическими чертами данного индивида. Важным внеязыковым фактором является отношение информанта к старообрядческому говору. Можно сделать общий вывод, что все молодые люди из Габовых Грондов и Бура, которые согласились дать интервью, в какой-то мере положительно относятся к традиционному диалекту. Факт посвящения своего времени, свидетельствует о меньшем, или большем интересе к своему языку.

Различия в отношении к диалекту выступают также среди наших информантов. Некоторые из них в записанных разговорах подчёркивают своё уважение к старообрядчеству, традиции и языку, напр. Ж84а: «*sa mn'oj r'azym | s k'orn'am'i*»; М77: «*n'aša v'era t'ažkaja | no an'a i'es'c'a s'ilna d'obraja*»; «*vs'o začyn'ajem z'euat' s mal'itvaj*»; «*n'e xat'eu by m'en'at'*»; М79: «*No i s'amaja gu'avnaja t'ema | kat'oraj my int'er'es'uiems'a | sam'aja guavn'eišaja | eto t'ema*»

rel'igii»; M73: «u nas f'aina pai'ut | aź s'erce padn'ošyvajetsa». Положительному отношению к первому языку способствует относительно высокое социальное положение данного индивида в обществе, употребляющем этот язык²⁵. Наиболее охотно употребляющие традиционный говор, информанты M79, Ж84а, Ж83, M77 и M72, или их ближайшие родственники, пользовались в Габовых Грондах и Буре большим авторитетом, из-за своих функций в общине.

Лояльность к языку и культуре влияет на наличие некоторых типов интерференции и частоту переключения языков (code switching). Все информанты нуждались в заимствованиях из польского языка, но в зависимости от уровня лояльности информанта к старообрядческому говору, заимствования выступали в разных формах; более лояльно относящиеся к традиционному языку, чаще пытались адаптировать употребляемые польские слова, напр. M74: «szkoła podstawowa»; «k'em s'estr'a rab'otajet? | w sklepie» и M72: «patstav'uvka – šest' kuass»; Ж84б: «m'ama rab'otajet v skl'er'e». Если данная лексема выступает в социолекте младших жителей Габовых Грондов и Бура в разных вариантах: польским и русским, более серьезно подходящие к говору информанты стараются избегать чужих слов (если их диалектные лексические ресурсы достаточны) - M88: «jest', al'i juź st'araja» и M72: «mn'e už'e pakasav'al'i čast' 'et'ix p'esn'ev».

Большая терпимость к польским элементам в диалектных высказываниях, при одновременном ограничении обратного влияния, обосновано ролью польского языка как средства продвижения в обществе. Использование польских форм не вредит ни низкому общему статусу говора, ни коммуникации, так как все собеседники-староверы – двуязычные²⁶. Итак, факт старательного отношения к чистоте диалекта некоторых молодых старообрядцев, свидетельствует о непрагматической мотивировке высокой оценки языка и связанной с ним культуры²⁷. Представители молодого поколения старообрядцев, относящиеся более равнодушно к своему культурному наследию, проявляли большую терпимость также к изменению языка, на этом же месте другие информанты сразу обратно переходили на русский говор.

Общая языковая компетенция²⁸, стимулированная социальным окружением информанта, влияет на способность разделения языков и адаптации заимствований, а также на уровень развития языкового кода. Большинство наших информантов пользуется ограниченным кодом; их высказывания на диалекте – просты, полны мысленных сокращений, относящихся к конкретной реальности²⁹. В их высказываниях, вместо универсальной дефиниции какого-либо вопроса, выступают определения: *нормально, такой, tak o*, и т.п., напр. M82: p'il'arka | narm'alna: budzova p'ziца i r'ežeš | jarzysz?; M73: i tak o pa kal'ei. Преобладание ограниченного кода в высказываниях молодых старообрядцев, вытекает не только из недостаточных лексических ресурсов. Диалект обслуживает соседскую и семейную сферу жизни, где все знают друг друга, и языковая экономия приводит к упрощениям, и в ситуации интервью заставляет информантов менять языковое поведение, к которому привыкли.

Элементы развитого кода, т. е. универсальная аргументация, нешаблонные семантические конструкции и свободная связь с данной средой, встречались изредка у многих представителей молодого поколения жителей Габовых Грондов и Бура. У некоторых, наиболее разговорчивых, но также желающих передать исследователям больше информации, развитый код преобладал: M79, M77, Ж84а, Ж84б. Из их высказываний происходит большинство фразеологических калек. Использование многих идиомов и поговорок данным лицом сочетается и с личным стилем речи, и с употребляемым кодом³⁰.

Пример информанта M92 указывает на существование по крайней мере ещё одного фактора, формирующего язык индивида: у M92 есть братья, которые слабо и редко говорят на русском говоре и не хотели записывать свою речь. Из анкетных данных вытекает, что M92 не проявляет интеллектуальных способностей выше своих братьев, но он охотно согласился дать интервью. Несмотря на то, что его диалектные лексические ресурсы не были богаты, мальчик старался их расширять, хотя бы путём адаптации польских слов. Разница между M92 и его братьями заключается в мотивировке к использованию говора, которая, в свою очередь связана с влиянием сверстников. Ч. Кули определил группы товарищей, как первичные, т.е. такие в которых происходит социализация и формируются

ценности³¹. Развивающий теории первичных групп, Ф. Знанецки подчёркивает общность интересов и простоту строя таковых структур, а также их особое влияние на молодого человека³². Ближайшие друзья информанта М92 в деревне разговаривают друг с другом «по-своёму», в то время как его братья возвращаются в католической среде. Так как близость сверстников и игры с ними являют для мальчика большую ценность, увеличивается также роль старообрядческого говора, как языка дружеских контактов.

Рядом с детскими группами на развивающуюся личность ребёнка воздействуют другие первичные группы. Влияние соседей на всех молодых жителей Габовых Грондов и Бура одинаково, ибо они живут среди почти самых староверов. В таком случае следует обратить особое внимание на роль семьи, прежде всего родителей в языковой социализации ребёнка. Среди 18 представителей младшего поколения старообрядцев, которых речь удалось записать, 5 происходит из смешанных семей: М92, Ж91, М90, Ж84б, М82. Если один из родителей (в изучаемой группе – всегда мать) не является старовером, то это влияет на язык домашнего общения: в смешанных семьях чаще говорят на польском языке, а русский диалект употребляется в некоторых ситуациях, в общении с отцом – старообрядцем. Отсутствие постоянного общения на диалекте со всеми членами семьи влияет на отношение молодого человека к традиционному языку, религии и культуре. Согласно с теоретическими предпосылками, в речи представителей молодого поколения, происходящих из смешанных семей, заметны помехи, задерживающие развитие их языка, напр. информант М82 менее старательно относится к чистоте говора и обладает более бедной лексикой, чем Ж83. Но так, как и другие факторы, образующие идиолекты³³, так и единство вероисповедования в семье не решает абсолютно о языковом поведении отдельных индивидов.

Обсуждая значение процесса социализации, надо дополнить список факторов воздействующих на языковую ситуацию двуязычной молодёжи, и учесть педагогические заведения. Роль школы, а именно школьных товарищей и учителей. Ф. Знанецки полагает, что «каждый ученик обогащает школьную жизнь традициями и интересами, образовавшимися в нём под влиянием семьи и

соседского окружения», и дальше: «группа школьников является эпицентром, в котором сражаются все семейные и соседские влияния»³⁴. Старшие представители исследуемой нами группы, кончили основную школу в Габовых Грондах и учёбу в других местностях начинали как относительно зрелые люди. Самые молодые информанты, рождённые после 1991 г., из-за ликвидации местной школы, сразу же попали в чужую среду. Из информации учителя польского языка из школы в деревне Бялобжеги, вытекает, что ученики-старообрядцы во время перерывов разговаривают друг с другом по-польски. Их польский язык чист, так в общении с учителем, как и с католическими товарищами, а случаи межъязыковой интерференции выступают лишь в письменных работах. Хорошие отношения представителей меньшинства с доминирующей группой, сопутствуют хорошему знанию доминирующего языка, в то время, когда в изолирующихся (в большей или меньшей мере) группах, языковые ошибки возникают намного чаще³⁵. Итак, погруженные в польско-язычную среду, младшие жители Габовых Грондов и Бура, полностью подчиняются её влиянию. Отсюда и вытекают различия в языковом поведении старших и младших информантов: М92, М93а, М93б, Ж94, которые употребляют больше заимствований, особенно неадаптированных, чем напр. М72 или Ж85.

В школе, в которой не-старообрядцы составляют абсолютное большинство, молодой человек впервые осознаёт, что языком социального продвижения является польский. Этот факт значительным образом влияет на престиж обоих языков, которыми владеет данный индивид³⁶. Роль доминирующего языка может во взрослой жизни измениться в зависимости от места постоянного жительства и работы. Согласно с результатами многих социолингвистических исследований, сельское окружение, также если в данной деревне живут одноязычные представители доминирующей нации, способствует сохранению языка меньшинства, в то время как у двуязычных, пребывающих в городе, доминирующий язык быстрее становится единственным³⁷. Место жительства, а также профессия родителей, влияют на языковое поведение детей, не только в масштабе данной семьи, но в местности, как единстве. А. Табуре-Келлер, доказывает, что «численность детского населения, широко использующего

диалект, зависит от удельного веса чисто сельскохозяйственных профессий в [данном] населенном пункте»³⁸. Вышеупомянутые тенденции наблюдаются также в молодом поколении жителей Габовых Грондов и Бура. Старшие представители младшего поколения староверов, подрастали в семидесятые и восьмидесятые годы, когда работа в городе была редкостью. Самые молодые информанты, напр. М93а, М93б, Ж91, воспитываются, по социологическим показателям, в совсем другой среде, что отражается на их языке, которым владеют хуже своих старших товарищей (убогий диалектный словарь, частые переключения на польский язык).

Старообрядцы переселившиеся в города, намного быстрее забывают русский диалект и не передают его своим детям. Те, которые живут в деревне, но работают в городе – информанты М73, М74, М82, владеют говором хуже своих сверстников, занимающихся хозяйством: М72, М77³⁹, Ж84б. Эта тенденция будет увеличиваться, так как население в расцвете лет немногочисленно; они работают в городе, или получают пособие по безработице и подрабатывают, собирая грибы и ягоды. Молодые люди, в возрасте, решающем для выбора пути будущей жизни, пессимистически смотрят на будущее своих деревень: М82 - *żadnej przyszłości tu n'etu*; Ж85 - *bo tu / to przyszłości nie ma; żadnych rozrywek | n'ičev'o n'etu*. Трудно ожидать, что мелкотоварные хозяйства могут стать магнитом, задерживающим молодёжь в деревне. Единственным экономическим признаком развития в Габовых Грондах и Буре является местная мануфактура, изготавливающая лампы, но этот факт свидетельствует и о цивилизационном перевороте, происшедшем в структуре трудоустройства обоих деревень.

Следующим фактором, разделяющим молодое поколение старообрядцев на старшую и младшую группу, является обучение русскому языку, до 1989 г. преподаваемому в каждой польской школе. С 1990 года английский и другие западноевропейские языки стали постепенно вытеснять русский из польских школ. Для самых молодых старообрядцев единственным источником контакта с русским литературным языком, могут быть русские телепередачи, но они смотрят их редко. Влияние общенационального русского языка на речь некоторых старших представителей молодёжи проявляется в колебаниях рода существительного *класс*, напр. М79: *ad'in v p'ervyj kłass [paš'ou] | brat v p'ervuju kłass [paš'ou]*; М72: *do*

četv'ortava ku'assa; v četv'ortaj ku'as'e. У младших информантов, *класс* всегда выступает в женском роде (так, как и в польском языке), напр. М93а: v n'ašej ku'as'e ijes'c' dv'adcat'; М93б: v tr'etiju [ku'assu] g'imn'azium.

Больше, чем один раз удалось взять интервью у шести молодых информантов: Ж84б, М82, М73, М72, М79, М77. Речь Ж84б была записана во время экспедиций 1999, 2004 и 2005 года. Несмотря на большое временное расстояние, никакие серьёзные изменения языка не наблюдалось. Не эволюционировали также идиолекты информантов М72 и М77. М82, по сравнению с 2001 годом, в 2004 г. стал взрослее, что проявлялось в его большей терпимости, но общий уровень владения говором не изменился. Информант М73, в свою очередь, в 2004 г. менее охотно, чем три года раньше, согласился поговорить с исследователями и посвятил им меньше времени, а в 2005 г. только заполнил опросный лист. Этот факт связан с общей тенденцией ухудшения уровня владения диалектом из-за работы в городе, что подтверждают и другие примеры.

Пол информанта не является признаком, различающим язык молодых старообрядцев. В различных исследованиях билингвизма проверялось употребление диалекта, или языка меньшинства, в разговорах с родителями в зависимости от их пола. В некоторых условиях молодые представители групп меньшинства незначительно чаще говорили на «своём» языке с матерью⁴⁰, в других случаях – с отцом⁴¹. В Габовых Грондах и Буре большинство информантов разговаривает «по-своёму» с обоими родителями. Преобладание одного из родителей, как собеседника, встречается только в смешанных семьях.

Все приведённые примеры указывают на существование многочисленных факторов, влияющих на язык данного индивида. Итак, сохранению и возможному - развитию традиционного диалекта способствуют:

- положительное отношение к говору,
- высокий уровень общей языковой компетенции,
- способность использования развитого кода в высказываниях на диалекте,
- положительное отношение к говору первичных групп, в которых данный индивид принимает участие: семьи, товарищей, соседей,

- единство вероисповедования членов семьи,
- сравнительно равный статус доминирующего языка и диалекта на территории школы вне занятий,
- место работы в деревне, на хозяйстве.

В противоположном направлении на идиолекты молодых старообрядцев воздействуют:

- равнодушное и отрицательное отношение к говору,
- низкий общий уровень языковой компетенции,
- использование ограниченного кода,
- отсутствие положительной мотивировки к диалекту со стороны первичных групп,
- происхождение из смешанной семьи,
- тотальное преобладание польского языка в школе, также вне занятий,
- место работы в городе.

Чем больше факторов способствующих сохранению и развитию диалекта, тем подвергающийся им индивид становится ближе идеальному типу – представителю молодого поколения староверов, хорошо владеющему традиционным русским говором. Ближайшим идеальному типу является идиолект информанта М79: он с уважением и большим интересом относится к старообрядчеству, проявляет признаки высоких интеллектуальных возможностей, в высказываниях использует развитый код, воспитался в староверской семье и среде, положительно мотивирующей его интерес к религии и культуре, а его местом работы является деревня. В идиолектах других информантов замечается конкуренция факторов, способствующих и препятствующих сохранению говора, напр. М74 воспитывался в староверской семье, его семья, детские товарищи и соседи говорили на русском диалекте, школьную учёбу начинал в Габовых Грондах, но он равнодушно относится к традиции и языку, употребляет ограниченный код и издавна работает в городе.

Некоторые из обсуждаемых факторов, зависят друг от друга, напр. семья, в которой оба родителя – староверы, чаще, чем смешанная семья, воспитывает ребёнка в уважении к старообрядчеству. Иногда трудно чётко определить, какая из

причин является более сильной и основной, напр. одна из информантов, Ж84а училась в городе, а её подруги и товарищи, в основном – католики, но она хорошо владеет русским диалектом из-за сильного влияния семейных традиций. У информанта М92, наоборот, решающим оказалось влияние товарищей. Итак, факторы, образующие идиолекты представителей молодого поколения жителей Габовых Грондов и Бура, требуют дальнейших наблюдений. Особенно ценные информации могли бы дать исследования тенденций в эволюции языка отдельных индивидов. Опыт других, временно распространенных социолингвистических исследований подтверждает необходимость многочисленных наблюдений, чтобы отметить значимые признаки эволюции идиолекта данного индивида⁴².

Podziękowania

Autor pragnie podziękować Pani Dorocie Paśko (UMK) za udostępnienie wyników badań socjolingwistycznych oraz Panu Janowi Saczko (Gimnazjum w Białobrzegach) za udzielone informacje.

¹ Настоящая статья написана на основе магистерской работы автора, *Язык молодого поколения старообрядцев деревень Габове Гронды и Бур*, написанной в Университете Миколая Коперника в Торуні в 2005 году, под научным руководством проф. С. Гжибовского.

² I. Grek-Pabisowa, *Język a kultura staroobrzędowców*, [в:] та же *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów*, Warszawa 1999, с. 296

³ Там же: с. 291-93

⁴ У. Вайнрайх, *Языковые контакты*, Благовещенск 2000, с. 148; J. Straczuk, *Język a tożsamość człowieka. W warunkach społeczności wielojęzycznej. Pogranicze polsko-białoruskie*, Warszawa 1999, с. 38-46; B. Janiak, *Polsko-ukraińskie związki językowe na przykładzie gwary Niemirowa nad Bugiem. Fonetyka, fonologia, słownictwo*, Łódź 1995, с. 7

⁵ Ср. А. Zielińska, *Wielojęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce*, Warszawa 1996, с. 22-23

⁶ E. Smułkowa, *Dwujęzyczność po białorusku: bilingwizm, dyglosja, czy coś innego?*, [в:] А. Engelking, E. Smułkowa (ред.), *Język a tożsamość na pograniczu kultur*, Białystok 2000, с. 91-96

⁷ Э. Хауген, *Языковой контакт*, [в:] *Новое в лингвистике...*, с. 64; ср. Э. Коседовска, *Антропонимическая система в говоре старообрядцев деревень Габове Гронды и Бур*, неопубликованная магистерская работа, Торунь 2000, с. 17

⁸ Научное руководство проф. С. Гжибовского (UMK Торунь)

⁹ L. Nерор, *Interferencja leksykalna i jej odmiany (na przykładzie słownictwa kresowego)*, [в:] J. Rieger (ред.), *Język mniejszości w otoczeniu obcym*, Warszawa 2002, с. 103; I. Grek-Pabisowa, *Próba określenia wspólnych cech rozwoju gwar rosyjskich w otoczeniu obcojęzycznym*, 1983, [в:] та же, *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów*, Warszawa 1999, с. 227

¹⁰ I. Grek-Pabisowa, *Próba określenia...*, с. 224-26

¹¹ Ср. Там же: с. 227; I. Grek-Pabisowa, I. Maryniakowa, *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce*, Wrocław 1980, с. VI

¹² Символ информанта обозначает его пол М/Ж и год рождения.

- ¹³ P. Pietilä, *The English of Finnish Americans with Reference to Social and Psychological Background Factors and with Special Reference to Age*, Turku 1989, s. 35; 191
- ¹⁴ I. Grek-Pabisowa, *Próba określenia...*, s. 213-21
- ¹⁵ Там же, с. 214
- ¹⁶ J. Obara, 1989, *Kalki jako jeden z przejawów interferencji językowej*, [w:] S. Warchoń (red.), *Interferencje językowe na różnych obszarach słowiańszczyzny*, Lublin 1989, s. 185-210
- ¹⁷ Ср. Там же, с. 195
- ¹⁸ Ср. Там же, с. 200
- ¹⁹ Ср. Там же, с. 203
- ²⁰ Ср. Там же, с. 205-07
- ²¹ Ср. Там же, с. 209
- ²² A. Piotrowski, M. Ziółkowski, *Zróżnicowanie językowe a struktura społeczna*, Warszawa 1976, s. 200; ср. A. Zielińska, *Polska mniejszość na Litwie Kowieńskiej. Studium socjolingwistyczne*, Warszawa 2002, s. 19
- ²³ Б. Сегень, *Прыназоўнік у сісмэме адной усходнеславянскай гаворкі Беластоцчыны*, Беласток 2001, с. 124
- ²⁴ Ср. Там же, с. 125
- ²⁵ У. Вайнрайх, *Языковые контакты...*, с. 168
- ²⁶ Там же, с. 147
- ²⁷ Ср. A. Zielińska, *Polska mniejszość na Litwie Kowieńskiej...*, с. 20
- ²⁸ I. Kurcz, *Język a psychologia*, Warszawa 1992, s. 204-05
- ²⁹ Ср. A. Piotrowski, M. Ziółkowski, *Zróżnicowanie językowe...*, с. 338-40
- ³⁰ В. Bernstein, *Socjolingwistyka a społeczne problemy kształcenia*, 1972, [w:] M. Głowiński (red.), *Język i społeczeństwo*, Warszawa 1980, s. 100-02
- ³¹ Ch. H. Cooley, *Grupy pierwotne*, 1963, [w:] J. Mucha, *Cooley*, Warszawa 1983, s. 209
- ³² F. Znaniecki, *Socjologia wychowania. Tom I i II*, Warszawa 2001, s. 84; 90
- ³³ Идиолект – «речь данного индивида», либо «совокупность речевых поведений индивида в данное время»; A. Piotrowski, M. Ziółkowski, *Zróżnicowanie językowe...*, с. 178
- ³⁴ F. Znaniecki, *Socjologia wychowania...*, с. 107
- ³⁵ Ср. W. Stöltzing, *Die Wanderung jugoslawischer Migrantenkinder durch die bilinguale Kompetenz*, [w:] L. Đurović (red.), *Child Language in Diaspora. Serbo-Croatian in West European Countries. Papers from a Symposium*, Lund 1987, s. 123
- ³⁶ J. Straczuk, *Język a tożsamość człowieka...*, с. 28
- ³⁷ W. T. Miodunka, *Bilingwizm polsko-portugalski w Brazylii. W stronę lingwistyki humanistycznej*, Kraków 2003, с. 113
- ³⁸ А. Табуре-Келлер, *К изучению двуязычия в социологическом плане*, [w:] *Новое в лингвистике*, выпуск IV, Москва 1972, с. 176
- ³⁹ Информант М77 работает в городе только с 2003 года, раньше занимался хозяйством.
- ⁴⁰ Ср. W. T. Miodunka, *Bilingwizm polsko-portugalski...*, с. 140-44
- ⁴¹ А. Табуре-Келлер, *К изучению двуязычия в социологическом плане...*, с. 175
- ⁴² Ср. P. Pietilä, *The English of Finnish Americans...*, с. 214-16; L. Đurović, *JUBA – A Short Introduction*, [w:] тот же, *Lingua in Diaspora. Studies in the Language of the Second Generation of Yugoslav Immigrant Children in Sweden*, Lund 1983, с. 8